

Василий Расевич: история — не инструмент патриотического воспитания

Во что вылилась декоммунизация, почему история — не инструмент патриотического воспитания, о какой Украине мечтали в ОУН и стоит ли навязывать локальную память всей стране — в интервью с историком и эссеистом, гостем образовательного фестиваля «Лимуд» Василием Расевичем.

— Три года страну разрывали споры о декоммунизации, и вот она практически завершена. Насколько украинское общество отрефлектировало этот процесс? Где кающиеся секретари райкомов и обкомов, офицеры КГБ и комсомольские вожаки, многие из которых являются частью нынешних элит?

— Декоммунизация вылилась в чисто формальный процесс — переименование улиц и замену одних памятников на другие. Это просто новый идеологический этап — одни люди в военной форме, скажем Ватутин, — уступили место

другим, тоже в форме — Шухевичу, например. Так будет происходить каждый раз со сменой власти и исторической парадигмы.

— Не смешно ли думать, что от атавизмов коммунистической идеологии можно избавиться, сменив табличку с неудобным названием улицы? Почему мы так боимся поименно «вспомнить всех, кто поднял руку»? Разве не в этом состоит настоящий катарсис и залог перезагрузки системы?

— В 1991 году не произошло смены элит — Украинская Советская Социалистическая Республика просто получила новое название. Весь советский аппарат стал государственным аппаратом Украины, а верхушка КГБ УССР — люди, боровшиеся с украинским национализмом, — за одну ночь превратились в украинских патриотов. Так сложился украинский коммунистический заповедник под националистическими символами. «Красные директора» стали собственниками «своих» предприятий, как, впрочем, и члены ЦК, и секретари обкомов, монетизировавшие политическую власть в реальный капитал. Генералы КГБ, контролировавшие границу, тоже быстро обросли жирком — благодаря контрабанде и не только. А потом эти персонажи начали крышевать бизнес — вот вам и новая экономическая элита.

В результате даже в нынешнем правительстве сидит бывший секретарь комитета комсомола Львовского университета — ныне первый вице-премьер Степан Кубив, а министром экономики при Яценюке был первый секретарь Львовского обкома комсомола Александр Шлапак. Глава СНБО Александр Турчинов возглавлял в свое время отдел агитации и пропаганды Днепропетровского обкома комсомола, Николай Мартыненко занимал должность первого секретаря Киевского горкома ЛКСМУ и так далее, и тому подобное.

О какой декоммунизации мы говорим? Я вовсе не демонизирую комсомольцев — в советское время активный молодой человек не мог проявить себя в рамках иной идеологической системы. Другое дело, имеют ли право эти люди сегодня представлять национальную элиту.

Я был недавно на открытии памятника ЗУНР во Львове, где выступал Степан Кубив, — большего националиста сложно представить. Там был и Юрий Луценко, отметивший, что лишь в годы учебы во Львове почувствовал себя

украинцем. Вполне допускаю, что это так, но мы же помним, что он говорил в 2003 году об УПА в Донецке, еще возглавляя областную организацию Социалистической партии Украины.

Юрий Луценко на митинге Соцпартии в Донецке, 2003

Мы должны следить за этими людьми как за шулерами, манипулирующими словами и историей — идеология для них ничего не значит — она лишь ступенька на карьерной лестнице.

— Полагаете, все дело — в люстрации, на которую власть за 27 лет так и не решилась?

— Она у нас не прошла ни в одной сфере, включая высшее образование. Поэтому наши профессора, защитившие свои докторские диссертации по научному коммунизму или истории КПСС, быстро стали академиками и, поменяв знак, начали писать об истории Украины ровно ту же фигню. Хуже то, что они воспитали целое поколение своих клонов в науке.

У нас нет интеллектуальной и даже академической дискуссии — не удивительно, что вектор развития украинского общества определяют горлопаны и невежды. Я слежу за скандалом с новым учебником истории для школ — ужасно, что люди с научными степенями просто не понимают, что история не может быть инструментом патриотического воспитания. Они не отличают историческую память от истории. Память всегда эмоциональна и персональна, история же — это академическая дисциплина. Смешав эти понятия и превратив их в инструмент политической борьбы, мы убьем академическую науку.

— Новому государству необходим новый исторический нарратив, разве не так?

— Да, но коллективной памяти на самом деле не существует. У каждого региона Украины своя память. Раньше это была память антагонистическая, поэтому, если дончане и приезжали во Львов, то, как правило, лишь подтверждали свои стереотипы о галичанах.

— Какие же?

— Как о нахлебниках и дармоедах, прожигающих жизнь в кофейнях и ресторациях, в то время как мы — «донецкие» — даем стране уголек и кормим этих паразитов. И никто им не объяснил, что две трети людей, сидящих в кафе, — такие же туристы, как они — из Донецка, Харькова и Запорожья.

Самый простой способ политической мобилизации — это противопоставление. Поэтому в Донецке пугали бандеровцами — пособниками Гитлера, которые заставят всех говорить на «телячьей мове» и поклоняться ОУН. А во Львове уверяли, что на востоке живут «не вполне украинцы», поэтому наша миссия — преподать им настоящую историю. Мол, их долго обманывала советская власть, но если они услышат слово правды, то станут настоящими украинцами — как мы. Не стали.

Памятник Вячеславу Черноволу в разгар студенческих протестов с требованием отставки Дмитрия Табачника, Львов, 2010

А потом все решили не просто бороться за базовый электорат в своих регионах, а захватить Киев. Ведь только из столицы можно заставить всех двигаться в единственно правильном, то есть нашем, направлении.

Так Ющенко присвоил звание Героя Украины Бандере и Шухевичу, полагая, что директивными актами можно сделать обязательным один вариант истории. После своего избрания Янукович назначил «главным по истории» Дмитрия Табачника, который зашел еще дальше. Чтобы западные украинцы не путались у него под ногами, он просто назвал их другим народом — русофобской нацией, возникшей как результат лабораторных исследований австрийцев, поляков и немцев.

— Но сегодня ситуация изменилась — у подавляющего большинства украинцев появился общий враг, противостояние которому должно объединить общество...

— Сегодня Институт национальной памяти под прикрытием российско-украинской войны пытается навязать обществу западноукраинский национально-освободительный нарратив. Последовательно проводя линию преемственности от армии УНР через УПА к воинам АТО.

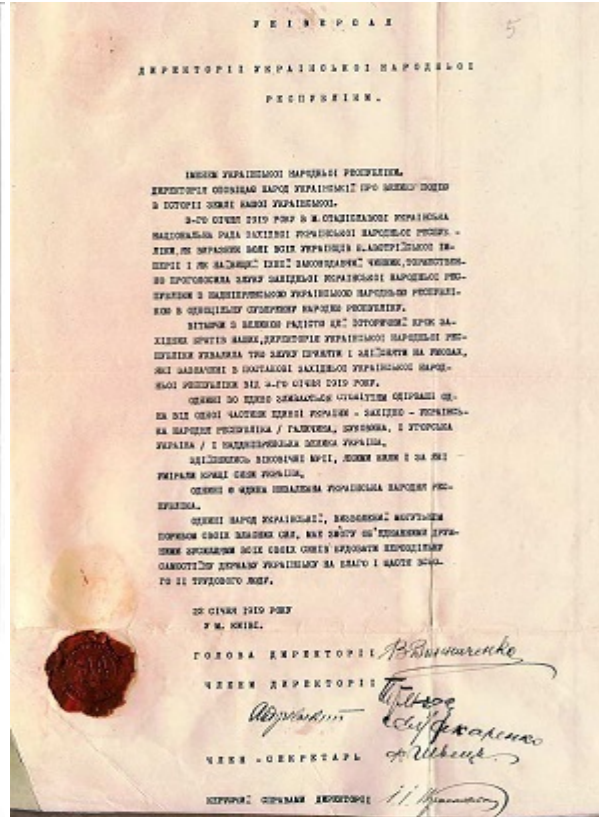
Но ОУН в 1930-е годы — это маргинальная и радикальная структура, исповедующая тактику революционного террора. И выносившая смертные приговоры не только польским чиновникам, но и соплеменникам с умеренными взглядами. А после 1944 года УПА боролась с советским режимом, который представляли тысячи украинцев из центральных и восточных областей УССР.

— Какую роль в этом играет концепт вечно оккупированного народа? Ведь это, в конце концов, вопрос идентичности — кем считают себя современные украинцы — наследниками УССР или УНР?

— Легко сказать, что большевики оккупировали Украину в 1918 году. Сложнее признать, что у украинской идеи не было социальной базы, особенно в городах. Да и крестьяне — хребет украинской нации — тоже не всегда отличались национальной сознательностью. Гетман Скоропадский при помощи немцев вернул помещикам отобранную у них крестьянами землю. Думаете, крестьяне, для которых земля была всем, — чувствовали эту власть своей? Позже Директория обещала им за символическую сумму продать эту землю и тоже обманула. Ленин тем временем издал «Декрет о земле» и «Декрет о мире» — и народ пошел за большевиками. Да, они сделали из Харькова площадку для дальнейшего захвата Украины, но украинцам были близки большевистские лозунги.

Император Вильгельм II и гетман Скоропадский, август 1918

Универсал об объединении УНР и ЗУНР

К сожалению, политическая и социальная модернизация Украины стала возможна лишь в рамках советского проекта. Да и состоялась Украина в нынешних границах, пусть даже в качестве интегральной части СССР, именно в советское время. В 1930-е годы в большинстве городов Западной Украины демографическая ситуация была примерно такой, как во Львове: 50% составляли поляки, 33% — евреи, 16% — украинцы и 1% — все остальные. Население Львова после войны изменилось на 95%, так что говорить о преемственности очень сложно.

Так или иначе, независимая Украина была провозглашена на основе УССР — если уж на то пошло, украинцы были соучастниками оккупации. Не вижу смысла отказываться от своей истории, тем более, что в 1918-м украинская государственность по большому счету не состоялась. Недавно мы отмечали 100-летие ЗУНР, а на днях будем праздновать сто лет Злуки с УНР, но ведь эта Злука была разорвана в конце того же года президентом ЗУНР Евгеном Петрушевичем. И знаете почему? Да потому, что западные украинцы узнали о тайном договоре Петлюры с Пилсудским, по которому к Польше отходила вся

Восточная Галиция, — для галичан это было предательством. Так что всегда надо понимать контекст...

— И какой же должна быть историческая политика современной Украины?

— Украинцы часто воевали между собой в форме разных стран, поэтому нам нужна не глорификация тех или иных героев прошлого, а политика примирения памятей.

Необходимо проговорить неудобные страницы истории, но нельзя ничего брать из прошлого в качестве примера для настоящего и будущего. Как историк я не должен указывать, кому каяться, а кого героизировать, но разобраться что такое хорошо и что такое плохо — обязан.

Борьба за независимую Украину — прекрасная цель. Но какую Украину мы должны были получить в результате этой борьбы? Я спрашиваю своих студентов, хотели бы они жить в государстве, построенном по заветам Степана Бандеры. В тоталитарном однопартийном государстве с декоративным парламентом из представителей корпораций, скроенном по лекалам итальянского фашизма. Я такой независимой Украины — авторитарной, вождистской, попирающей свободу слова и права человека — не хочу.

— Что мешает оставить прошлое в прошлом, признать ошибки и идти вперед? В конце концов, в предвоенной Восточной и Центральной Европе было множество радикальных организаций, подобных ОУН, но никто не тянет их идеологию в день сегодняшний.

— Все оценили потенциал истории для воспитания патриотов. Но очень сложно представить историю ОУН или УПА исключительно в героическом свете, зная, например, что только на Волыни 5 000 членов вспомогательной полиции в конце 1942 года ушли в лес с оружием и вступили в УПА. Кем были эти 5 000 полицаев к тому времени, когда большинство местных евреев лежали во рвах? Сколько из них принимали участие в акциях?

А потом была Волынская трагедия — поляки считают это этнической чисткой с элементами геноцида, в УИНП называют второй украинско-польской войной. Но есть проблема... В отличие от Армии Крайовой и польских поселенцев УПА

была вооружена очень специфической идеологией — так называемой доктриной интегрального национализма Донцова, где содержались и идеи этнической зачистки территорий, и многие другие пункты, которые выглядят дико в цивилизованном обществе.

— И как нам быть с такими неудобными героями с кровью на руках, которых, однако, не вычеркнешь из национального пантеона?

— Естественно, что воюющее государство требует героев, сражавшихся за свободу с оружием в руках. Но украинская борьба начинается не с ОУН — 108 000 украинцев были мобилизованы в польскую армию и сражались с нацистской Германией, 6000 из них погибли, многие были ранены. Таким образом, украинцы с самого начала были членами будущей антигитлеровской коалиции, победившей фашизм. Кроме того, и Красную армию проще вписать в этот героический нарратив — борьба украинцев с нацизмом не сводится к партизанским акциям УПА.

из архива Юрия Гжибовского

Солдаты Войска Польского – участники кампании 1939 года: поляк Владзимеж Кавчинский, белорус Янка Брыль и украинец Семен Нагирный

— Безусловно, но националисты ответят на это, что УПА сражалась за независимость своего государства, а украинцы в Войске Польском или Красной армии отстаивали свободу других стран...

— Украинцы столетиями были разделены границами разных, зачастую

враждебных, государств, и нередко воевали друг с другом в чужих униформах. Здесь общего нарратива не получится — поставить в один ряд украинца-красноармейца и бойца дивизии СС «Галичина» не удастся. Общий для всех украинцев нарратив может возникнуть, когда мы уйдем от традиционного определения героев.

— Но как жить без героев?

— Да очень просто. Перед нами пример Нади Савченко — Героя Украины. И где она сегодня? То же самое происходит с историческими героями — многие из них в отдельные периоды своей жизни совершали преступления. Раз герои прошлых войн тянут общество в разные стороны, возможно, стоит сменить парадигму и признать настоящими героями не тех, кто убивал, а кто спасал, иногда ценой своей жизни?

Я не зря говорю о прошлых войнах. Потому что современные национальные герои — Небесная сотня и воины АТО — люди из разных регионов Украины в украинской военной форме — нас как раз объединяют. Между прочим, впервые в истории.

Но и это далеко не вся правда. Потому что воины АТО не являются героями для неподконтрольных Украине территорий Донбасса. Где сложился свой героический нарратив, ведь у многих есть родственники и друзья, погибшие в войне против Украины. После возвращения Донбасса примирить эти памяти будет куда сложнее, чем внуков красноармейцев и воинов УПА... И если мы рассчитываем вернуть Донбасс, то должны задуматься, как не позволить этим разным нарративам разорвать общество изнутри.

Это задача на будущее, но ясно одно — пришло время пересмотреть критерии и патриотизма, и национальных героев. Нельзя при помощи государственных институтов навязывать локальную модель памяти всей стране.

Беседовал Михаил Гольд